

Борис ПАСТЕРНАК

Владимир Маяковский. Простое как мычание

Петроград. 1916

Какая радость, что существует и не выдуман Маяковский; талант, по праву переставший считаться с тем, как пишут у нас нынче, и означает ли это все или многим меньше; но с тем большею страстью приревновавший поэзию к ее будущему, творчество к судьбе творенья. Оно ему не изменит. Поэзию привяжут к поэту две вещи. — Ярость творческой его совести. Чутье не назревшей еще ответственности перед вечностью — его судилищем.

Писать о его книге значит набрасывать план... естественной истории современного таланта *in genere* *.

Он стал поэтом настолько же недавно, насколько давно уже был художником.

Он написал множество вещей, в которых напряжение метафоры доведено до тех пределов, где оно держится на одной только роковой способности индивидуальности получать впечатления, навязчивые по неукротенной их оригинальности.

В типографиях эти метафорические батареи набирались на манер стихов. Столбцом.

Часто живое, как реальное происшествие, состояние таких метафор силою редких этих свойств рвалось в лирику и в лирику врывалось. Таково «Я». Такова значительнейшая часть стихотворений отдела «Кричу кирпичу».

Нередко зато и столбцы эти, не связанные естественно с располагавшейся по ним метафорой и часто не сплошь заполненные ею, открывали доступ словесной синонимистике к местам, отведенным под собственные имена материи; прозаическим соображениям к вакансиям образных и патетических поведений.

---

* вообще (*лат.*). — *Ред.*

Написав уже и несколько таких, на стихи более, чем на что другое похожих столбцов, артист такого типа и калибра, как Маяковский, не может не стать поэтом. Точно так же, *mutatis mutandis**, Скрябин стал композитором. Склонен думать, что такова вообще судьба всякого крупного современного дарования. По-видимому, специализация, во все возрастающих размерах проводимая человеком в области труда, отбивает у природы охоту к бесцельной спецификации породы.

Все реже и реже рождаются на свет музыкантами, живописцами, поэтами. Но детство некоторых протекает в городах, ничем не похожих на все то, что о них говорится теми, кто образуют их население. Но, поступая в мозг немногих подростков, сами впечатления начинают уподоблять себя самым отдаленнейшим своим по такому мозгу односельчанам. Но, наконец, нет того явления кругом такого подростка, которое не болело бы своей особой наглядностью; и не было видимо и в воспоминание — в вечно настоящее мгновение; то есть в момент кризиса острого воспаленья краски. И нет, далее, таких эпидемий образности, которых люди бы не называли: именами времен года; наименованиями местностей, названиями чувств и страстей; терминами душевных состояний. Такой подросток, услышав впервые трезвучье с большой септимой, перестает понимать, как может существовать музыка, не произведенная прямо от этого единственного звукосочетанья; как Александр Блок, написав «Магическое» и «Отравы», пишет все прочее; как можно восхищаться Пушкиным, столь мало напоминающим Лафорга и Рембо.

Существование разграниченных видов творчества для его гениальных впечатлений не обязательно. Оно им чуждо. Зато существование *искусства вообще* есть собственное их существование.

Они не знают, что мозг, чреватый ими, раньше или позднее придет к самоограничению, что «искусства вообще» не существует**, что подросток, став когда-нибудь поэтом на таком пути, будет достаточно резок и замысловат, чтобы позволить себе распротиться навсегда с парадоксами живописи или музы-

---

* с соответствующими заменами (лат.). — Ред.

** Замечанье à propos. К Маяковскому оно, разумеется, не относится ни в малейшей мере. Синтез искусств и вселенское ему служение — идеи, разоблачающие в усталом художнике дремавшего в нем дилетанта. Так было с Гёте. В подавляющем большинстве случаев такие и подобные идеи — отвод души на ложно избранном поприще.

ки. Он, ловивший метафоры, как мух, ладонью, там, где другой, зачуяв Божественное, расстилал свой коврик, как священнодействующий мусульманин; и наоборот, находивший Бога там, где другой черпал воду для своих пресных слов про город, — он должен будет многим поступиться, доросши до той зрелости, о которой Баратынским сказано:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел.

«Трагедия» была тем поворотом, с которого началось быстрое превращенье артиста в поэта. Маяковский начинает понимать поэзию столь же живо, как когда-то по одному мановению очей схватывал мысли улицы и неба над нею. Он подходит к поэзии все проще и все уверенней, как врач к утопленнице, заставляя одним уже появлением своим расступиться толпу на берегу. По его движениям я вижу: он живо, как хирург, знает, где у ней сердце, где легкие; знает, что надо сделать с ней, чтобы заставить ее дышать. Простота таких движений восхищает. Не верить в них нельзя.

1917

